

**КТО ТОТ, КТО ИСПОЛЬЗУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК?
(К статье А. В. Кравченко «ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»)**

С. В. Чебанов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 31
Поступила в редакцию 01.06.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

Статья посвящена полемике с А. В. Кравченко по поводу его тезиса о том, что выход из затянувшегося кризиса в лингвистике должен заключаться в приложении системного подхода к языковому семиозису как биологической адаптации. Однако автор полагает, что лингвистика находится не в состоянии кризиса, а в состоянии застоя, выход из которого предполагает не использование неадекватного поставленной задаче системного подхода, а интенсивный методологический поиск, неограниченно раздвигающий горизонты допустимых взглядов. При этом надо максимально полно учитывать маргинальные проявления языка для получения действительно универсальных результатов. Не обойтись в таком случае и без выяснения природы человека как того, кто пользуется языком, поскольку природа человека состоит в весьма сложных отношениях с биологией человека в его антропологическом понимании (находящейся в непроясненных отношениях с биологией Homo sapiens как объекта зоологии) как одним из его компонентов. В качестве примеров, претендующих на решение так поставленной задачи, рассматриваются доктрины разных эпох и направлений мысли – от Книги пророка Ездры через Фому Аквинского, Григория Паламу до Дж. Остина, Дж. Сёрля, Г. П. Щедровицкого и о. Георгия Кочеткова.

Ключевые слова: язык, природа человека, биология человека, холизм, модусы реальности, методология лингвистики, синтез

Обсуждаемая статья вполне адекватно представляет положение в современной лингвистике и в гуманитарных дисциплинах в целом (семиотике, коммуникологии, когнитологии, антропологии и т. д.). Присущие статье неясности и непроясненности типичны для современной гуманитарной и не только гуманитарной науки, и в этом отношении это не дефект статьи, а скорее ее достоинство, так как она оказывается хорошей иллюстрацией имеющегося положения дел. Продемонстрируем несколько примеров.

Так, на с. 13 речь идет об «экспериментах», на с. 14 и 15 «экспериментально различных» и «экспериментальных измерениях», на с. 12 и 16 об «опыте», но не поясняется, в каких отношениях находятся эксперимент, эксперимент и опыт. Концепция их соотношения ясно и последовательно изложена Г. Галилеем в сочинении *De Motu*, написанном около 1590 года (Galilei, б. г.). Однако уже ко временам Фарадея это различие утрачивается, что требует введения на грани XIX и XX веков различения лабораторного эксперимента (опыта) и мысленного эксперимен-

та Э. Махом (Мах, 2012), а позже и введения Дж. Лакоффом в когнитивную лингвистику представления об экспериенциальных моделях (Lakoff, 1978; Lakoff, 1986; Lakoff, Johnson, 1999). Каким-то образом оказывается приемлемым для автора-лингвиста и плеоназм «эволюционное развитие» (с. 16), определяемый крайне неудачным, контрэтимиологичным использованием термина «эволюция» Г. Спенсером в 1852 году (Чайковский, 2008, с. 91) для обозначения появления новых видов путем накопления мелких изменений, в то время как эволюцией в этимологическом смысле скорее является то, что ныне называется онтогенезом, а в обсуждаемой статье речь идет о таких эволюционных событиях, как создание разговорного языка (с. 14), письма (с. 14), эволюция человека как наблюдателя (с. 11, 15), появление разумности (с. 11) и т.д. В статье немало и других подобных неувязок, впрочем, не очень важных для общей постановки проблемы. Сожаление вызывает и широко распространенная у гуманитариев игра (особенно неуместная в статье, призывающей учитывать биологическую организацию человека) во введение новых видов обезьян семейства *Hominidae* — *Homo loquens*, *Homo cogitans*. Однако К. Линней, выделивший вид *Homo sapiens*, в качестве типа *Homo sapiens* не указал ясно себя, так что его приходится признавать ныне в качестве лектотипа *Homo sapiens* (Гапон, 2012). Всякие же *Homo ludens*, *Homo soveticus*, *Homo faber*, *Homo loquens*, *Homo cogitans* и т.п., вводимые без представления диагноза, голотипа, указания автора, года описания, синонимии, без выяснения приоритета и т.д. с точки зрения Международного кодекса зоологической номенклатуры только плодят номенклатурный мусор.

Однако все это в конце концов не так уж важно в случае данной статьи, не являющейся ни обзором литературы, ни квалификационным сочинением, а только способом приглашения к дискуссии. Поэтому важнее сформулировать общее отношение к формулируемой автором концепции. Суть ее заключается в следующем.

Автор утверждает, что лингвистика находится в состоянии глубокого кризиса (с. 8). При этом «человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо понять, что делают люди и почему они это делают как живые системы... являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса...» (с. 17). Для того чтобы понять смысл сказанного, надо отступить на один шаг и попробовать разобратсья в основаниях сформулированных утверждений.

Начать надо с того, что такое «кризис». Термин «кризис» пришел из медицины, в которой он является антонимом «лизиса» и обозначает высший, поворотный период течения болезни, за которым следует ли-

бо начало выздоровления, либо смерть пациента, то есть это ситуация полной неопределенности, точка сингулярности с точки зрения теории катастроф. Для врачей это момент предельного напряжения своей профессиональной деятельности, когда они, не отходя от постели больного, могут неопределенно долго ни пить, ни есть, ни спать. Для больного это нередко тоже высшая точка страданий, боли, беспокойства, метаний, беспорядочной двигательной активности, переходящей в судороги, нарушения дыхания и т. д. Таким образом, в ситуации кризиса имеет место предельное напряжение и врачей, и пациента.

В философско-аскетическом смысле кризис — это поворот, пребывание на кресте, источник метаноии, перемены сознания (Духовный кризис, 2000).

Ни о каком кризисе ни в первом, ни во втором смысле в лингвистике последние столетия речи не идет (если не принимать во внимание последствия инициированной И. Сталиным дискуссии по вопросам языкознания или отчет ALPAC 1966 года о перспективах машинного перевода) — профессора в основном довольны жизнью, поток студентов неиссякаем, особо жарких дискуссий нет. Скорее, можно зафиксировать застои и безразличие, в условиях которых можно порассуждать о тех или иных незначительных расхождениях во мнениях на фоне не только непроясненности, но даже отсутствия постановки фундаментальных проблем и путаницы в основных понятиях. При этом можно сказать, что источником такой путаницы, в частности, является то, что в дискурсе современных филолого-лингвистических дисциплин сосуществуют как не идентифицируемые представления по крайней мере пяти совершенно разных по сути суперпарадигм, концепций языка и речи — герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики и антропоцентрической версии понимания языка, на которую конкурирующим образом претендуют когнитивная лингвистика и прагмалингвистика (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Фиксируя столь неприглядную ситуацию, имеем в виду следующее.

Если рассматривать становление человеческой культуры в целом, то можно выделить следующие его фазы.

Исходным состоянием является взаимодействие человеческого индивида с целостным, нерасчлененным образом реальности. Часть такого образа реальности составляет целостный образ человека, данного в непосредственном взаимодействии с другим человеком. Такое состояние квалифицируется в культурологии как состояние исходного синкретизма.

Далее в результате обогащения знаниями, разделения труда, специализации деятельности людей и т. д. начинается развитие дифференцированных представлений о человеке, возникают разные образы человека, он рассматривается в разных аспектах, становится предметом разных дисциплин. Так, человек может представать как механическое тело очень своеобразного многофазного агрегатного состояния, как разновидность высших обезьян с точки зрения биологии, как сверхсложный химический реактор, как член семьи и представитель опреде-

ленного этноса и т.д. Среди этих амплуа человека можно выделить разные описательные или аналитические, эмпирические и родовые (теоретические) сущности (объекты – Кордонский, 2001). В европейской традиции такой способ представления о человеке присутствует уже в выделении в нем тела и души, а то и духа, что явно зафиксировано уже у халдеев и ясно сформулировано у Сократа, Платона и Аристотеля.

К последней трети XX века явно (а неявно – еще ранее отдельными мыслителями) осознано, что такое умножение аналитических объектов, представляющих человека (да и любое другое образование в мире – кристалл, планету, звезду, живой организм, страну), лишь промежуточный шаг на пути постижения, за которым должен последовать синтез, что и порождает многочисленные и разнообразные призывы к разного рода системным, целостным, организмическим, органонным и прочим холистическим построениям (Чебанов, Мартыненко, 2004).

Таким образом, можно зафиксировать общую траекторию движения сознания: первичный синкретизм – вторичный аналитизм – итоговый синтез. Однако достичь чего-то плодотворного на этом пути весьма сложно. Так, в качестве итога попыток такого синтеза применительно к человеку обычно оказывается утверждение о том, что человек – это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой и ничего более. Какие-либо нетривиальные выводы сделать из этого невозможно. Не отличаются от этого, по сути, и утверждения автора обсуждаемой работы о том, что «при системном подходе язык... предстает биосоциокультурной средой... определяющей развитие человека. Поскольку человек – социальное существо, когнитивное развитие индивида невозможно вне общества как живой системы... а единство этой системы поддерживается языковыми взаимодействиями между отдельными особями как компонентами этой системы... Образуя... область, в которой индивиды и общество развиваются как когнитивные системы, языковые взаимодействия... становятся той главной чертой, которая определяет человека говорящего как... особый биологический вид» (с. 14), «...человеческое общество представляет собой живую систему третьего порядка; эта система состоит из... особей как живых систем второго порядка, которые развиваются и существуют в когнитивной области языка...» (с. 14–15), «...для нас как социально организованного биологического вида...» (с. 17) и подобные им.

Примечательно, что в этих высказываниях А.В. Кравченко сочетаются сущности разных модусов реальности (выделены курсивом). Так, человек вроде бы в основном выступает как индивид и в этом качестве является описательной эмпирической единицей. Будучи трактуемым как социальное существо, он оказывается аналитической сущностью, причем рассматриваемой в теоретико-родовом аспекте. Этот же последний модус реальности относится и человеку как биологическому виду. С логико-методологической точки зрения (и такой анализ обсуждаемой статьи можно было бы продолжать неопределенно долго) это

несвязная мешанина категорий, относящихся к разным модусам реальности, однако никакой не синтез. При этом эти категории не просто перемежаются в тексте — между ними устанавливаются прямые, непосредственные отношения. Причина этого представляется вполне очевидной — А. В. Кравченко принимает и сохраняет все парадигмальные различия последних столетий — различие биологического и социального, представление о системности, различие филогенеза и онтогенеза, универсальность отношения «состоять из» и т. д., причем сохраняет, даже не предпринимая попытки их критического пересмотра.

Так на с. 14 А. В. Кравченко пишет: «эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка». Но система эта — категория аналитическая, а особь — описательная, причем в обсуждаемом контексте скорее эмпирическая, в то время как система — теоретическая. С этой точки зрения это бессмысленная фраза. Примечательно, что практически точно в этом же смысле вопрос очень доходчиво обсужден Ю. С. Степановым еще в 1975 году, когда он показывает, что морфема не состоит из фонем, слово не состоит из морфем, структурная схема словосочетания не состоит из слов, структурная схема предложения не состоит из структурных схем словосочетаний (Степанов, 1975, с. 219–220). Недопустимость использования отношения «состоять из» к ситуациям, когда целое и фрагмент относятся к разным модусам реальности или только к аналитическим объектам для объектов любой природы (физических, биологических, социальных и т. д.), подробно обоснована в указанной книге С. Г. Кордонского (Кордонский, 2001, гл. 3). Подобные невязки можно проследить и на примере ряда других категорий, используемых А. В. Кравченко.

Примечательно, что после знакомства с моей рецензией глубокоуважаемый Александр Владимирович пассаж о том, что «мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах “объективной реальности”», дополнил замечанием о том, что «и, соответственно, о “модусах реальности”, представленных в высказывании или тексте» (Глазков, 2018) (с. 11). Как само это заявление, так и цитируемая статья А. В. Глазкова радикально расходятся с сутью работ по полимодусной онтологии. Две важнейшие отечественные публикации в этой области последнего полувека принадлежат А. А. Любичеву (1971) и Ю. А. Шрейдеру (1984), причем обе они затрагивают и вопрос о языке (специально его не обсуждая). Статья Ю. А. Шрейдера при этом является маленьким фрагментом его многолетних исследований в этой области. Комментируя ее, Р. М. Фрумкина подчеркивает фундаментальное значение развиваемого подхода, который благодаря рассмотрению множества модусов реальности позволяет разорвать свойственное советской науке отождествление языка и мышления, поскольку они обладают разными модусами реальности (Фрумкина, 1999). Однако для самого Шрейдера представление о множественности модусов реальности было связано с его теологическими работами, получившими одобрение Св. папы Римского Иоанна Павла II (Шрейдер был терциарием ордена

доминиканцев, братьев-проповедников, к которому принадлежал Фома Аквинский, под чьим именем он и был крещен), в которых он развивал представления Аквината. Отношения мышления и языка для Фомы представляются путем переосмысления апофатического богословия Ареопагитик через аналогию как нечто среднее между эквивокальностью и унивокальностью. Поскольку для Аквината истина — это «соответствие интеллекта и вещи», а понятия (не слова!), образуемые человеческим интеллектом, истинны в той мере, в какой они соответствуют понятиям, предшествующим в интеллекте Бога, то вопрос об «эпистемологической ловушке языке» для него не очень важен. Так что самый яркий реалист — Фома Аквинский — в терминах «объективной реальности» не рассуждал и различал язык и мышление, концентрируя свое внимание на мышлении. Независимость мышления от языка более или менее очевидна и для лиц, переживших глубокие измененные состояния сознания или клиническую смерть (сознание при этом работает, но языком пользоваться невозможно — см. (Спивак, 2000); нужно отметить, что число людей, испытавших такое состояние, довольно велико, что хорошо известно врачам — хирургам и анестезиологам, но они предпочитают не обсуждать это даже со своими пациентами, которые приобрели такой опыт в их присутствии, что наделяет книгу Р. Моуди экстраординарным значением (Моуди, 2020)).

Тем не менее главный вопрос относится к другому — как может быть осуществлен итоговый синтез так, чтобы быть действительным синтезом, а не просто перечнем аналитически выделенных компонентов? Автор настоящего текста не имеет ответа на этот вопрос. Однако можно привести несколько попыток ответа на него и сформулировать некоторые требования к условиям ответа, а также возможные шаги в направлении его получения.

Во-первых (по близости к тому, что имеет место в современной науке — гуманитарной и естественной), можно выявить какие-то универсальные сущности и обнаружить, что постигаемая реальность является некой особой конфигурацией этих сущностей.

Так, если имеется различение тела, души и духа, то можно говорить о человеке как об определенной их конфигурации. В Третьей книге пророка Ездры (3 Ез., 16: 62–63) человек рассматривается более сложно — как единство тела и сердца, а сердце понимается как соединение дыхания Бога с духом, душой (жизнью) и разумом (умом).

Не менее интересен образ человека и его места в мире у Григория Паламы. Так, в «Физических главах...» (Григорий Палама, 2006) говорится о том, что ангелы обладают только «жизнью по сущности»; они разумны, духовны, бессмертны, нетленны. Животные же имеют только «жизнь в действии», оживотворяющую их «земляное тело»; они неразумны, недуховны, смертны и тленны. У людей же есть как «жизнь по сущности», так и «жизнь в действии»; их душа разумна, духовна, бессмертна, нетленна, однако тело их смертно и тленно. Таким образом, исключительность человека заключается в том, что только он обладает и «жизнью по сущности», и «жизнью в действии», что позволяет ему

осуществлять уникальные действия в мире. Однако при этом он смертен и тленен, что придает его жизни особый драматизм и еще больше увеличивает его выделенность в мире.

В комплексном подходе (Сопиков, 2002; Чебанов, 1986) каждая сущность выступает как уникальная конфигурация шести универсальных картин описания — субстратной, структурной, функциональной, энергетической, программной и ценностно-целевой. Человек в этом случае выступает как существо, субстратами которого оказываются физические элементарные частицы и поля, химические молекулы (включая макромолекулы), биологические и психические поля (вопрос о фундаментальности или производности которых сейчас не обсуждается) и т.д., энергетика которого соединяет физическую энергию в разных формах (механической, электродинамической, квантово-механической), химическую (энергия химического сродства, биомолекул-макроэргов), психическую (в понимании Фрейда и его последователей, язык как выражение энергии народа в трактовке В. Гумбольдта и энергию заблуждения Л.Н. Толстого), духовную ангельского чина Сил и т.д. При этом оказывается возможным проследить взаимодействие разных компонентов человеческой сущности в их единстве.

Следующим шагом такого синтеза является представление о человеке как о живой иконе Бога (Кочетков, 2020). Если такой образ человека рассматривать в кругу христианских представлений (как бы к ним не относиться, но просто соглашаться на реконструкцию внутреннего устройства этого образа), то оказывается, что он в высшей степени синтетичен. Дело в том, что Христос как воплощение Бога-сына выступает как Бог-Слово, а христианское миропонимание при этом является раскрытием природы Слова. Человек же как икона Бога — это тоже своего рода слово, несомненный семиотический объект. Более того, это слово — человек — еще и говорит словами. Поэтому вполне понятно, что христианское миропонимание позволило узнать очень многое о слове и языке. Это понимание и выражено в Священной герменевтике (*Hermeneutica Sacra*), представления которой, однако, не очень приемлемы для лингвистики Нового времени. Тем не менее в последние десятилетия многие идеи *Hermeneutica Sacra*, которые были когда-то категорически отвергнуты наукой, получили признание в современной функциональной лингвистике (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Это наиболее наглядно представлено на примере того, как язык из средства описания мира, принимаемого в таком качестве в лингвистике XVIII — первых трех четвертей XX века, превратился благодаря концепции перформативов Дж. Остина и Дж. Сёрля в средство творения новой действительности, в качестве которого он выступал в *Hermeneutica Sacra*, а человек оказывает сотворцом этого мира (Chebanov, 1994).

Очевидно, что при осуществлении подобного синтеза лингвистам придется не только обогащать свои представления, но и отказываться от уже имеющихся.

Так, например, лингвистам (и прежде всего отечественным, испытывавшим влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ) придется расстаться с представлением об устной речи как об основной форме реализации языка, поскольку это положение вызывает несколько возражений.

Во-первых, оно игнорирует сам факт существования внутренней речи, не говоря о том, что объем материала, порождаемого внутренней речью, явно превышает объем речи внешней. При этом лингвисты практически полностью «передали» изучение внутренней речи психологам. Примечательно и то, что внутренняя речь сопровождает человека круглые сутки, так как она присутствует и во сне. Таким образом, объем речевой деятельности одного человека увеличивается примерно на 8 часов, то есть в полтора раза количественно и качественно заметно больше, чем изучается лингвистами, скажем, в рамках проекта «Один речевой день» (ОРД) (Богданова-Беглорян и др., 2019), поскольку охватывает такие своеобразные состояния, как засыпание и пробуждение, которые явно относятся к измененным состояниям сознания (Синеокова, 2008; Спивак, 2000).

Во-вторых, ныне появилась такая форма речи, как речь эсэмэс, интернет-чатов (Подгорная, Демиденко, 2014) и других сходных типов речи – они обладают чертами как письменной, так и устной речи. При этом и они имеют свой прообраз – тексты, представленные бегущей строкой.

В-третьих, во многом недооценивается значение письменной (печатной) речи. Так, современного ребенка в более или менее благополучных семьях со второй половины первого года жизни окружают не только книги и игрушки с буквами и цифрами, но и множество надписей в интерьере или на улицах поселения, так что письменная речь осваивается почти одновременно с устной. При этом надо учитывать, что виды рукописной, печатной, машинописной, а ныне порождаемой с помощью клавиатуры или стилуса письменной речи довольно контрастно различаются психолингвистическими характеристиками, временем порождения, возможностями (само)исправления и т.д., так что очень проблематично установить, это вообще одна или несколько разных форм существования языка. В ряду таких форм речи может занять подобающее место и узелковое письмо индейцев кипу.

В-четвертых, даже значительная часть устной речи представлена не спонтанной или подготовленной речью, а воспроизведением с помощью тех или иных технических средств (магнитофонов, плееров, радио, телевидения) записанной речи, неизбежно (за счет возможностей перезаписи и окончательного монтажа из наиболее удачных фрагментов каждой записи) отличающейся акустическими характеристиками, синтаксисом, интонациями и т.д. от «живой» речи.

В-пятых, на далекой периферии интересов лингвистов находится вокальная речь, которая приходит к ребенку с материнской колыбельной. Видимо, с ней можно соотнести и свист гуанчей.

Существует довольно широкий круг явлений, который, хотя и известен лингвистам, не включается ими в представление о природе языка. Так, трудно говорить об универсальном представлении о языке, если не принимать во внимание детскую и младенческую речь. Тем не менее далеко не каждый лингвист способен отличить гуление от лепета, не

говоря об обладании хотя какой-то осведомленностью о внутриутробном речевом поведении человеческого плода, в результате чего у него еще в пренатальный период закладываются основы распознавания фонем языка, на котором говорит мать ((Moon, 2017); аналогичные исследования ведутся и в Санкт-Петербургском научно-исследовательском институте уха, горла, носа и речи Минздрава РФ).

Нетривиальный материал дает и лингводидактика, в частности находящаяся на грани с коррекционной педагогикой (сурдопедагогикой, тифлопедагогикой, олигофренопедагогикой и логопедией). Так, выясняется, что для коррекции тяжелых видов дисграфий оказывается эффективным формирование целостного образа буквы-звука, поддерживаемого координацией моторики мышц речевого аппарата, руки, глаз и мышц, обеспечивающих оптимальное для бинаурального восприятия звука положение головы (Романова, 2019). Целостный образ звукобуквы фигурирует и в фоносемантических исследованиях А. П. Журавлёва (Журавлёв, 1991).

Ряд речевых явлений допустим с точки зрения существующих в лингвистике представлений о языке, но эти концепции не дают объяснения неожиданно высокой частоте их распространения и, порой, исключительной сложности реализации. Начать можно с эпизодического появления в спонтанной речи эвфонии и силлабо-тонической версификации, а продолжить переразложениями, бустрофедонами или палиндромами. При этом можно говорить о разных видах палиндромии (амбиграмы, семилапы), палиндромии языковых единиц (слов, самым длинным из которых считается финское *saippuakivikauppias* – продавец парфюмерии) и палиндромии текстов (так, самый длинный палиндром на русском языке «Фантастический сон на берегу реки за минуту до пробуждения» В. Гончарова содержит 5638 слов, передаваемых 20836 буквами), что не поддается оценке с теоретико-вероятностной точки зрения (при том что проводятся соревнования палиндромистов, то есть речь идет о довольно распространенном явлении, которое, казалось бы, должно описываться статистикой).

К палиндромам примыкают и листовертни Д. Авалиани, простейшим примером которых является **милозо**, дающий после поворота на 180° **золими**. Л. В. Зубова показывает, что они органически входят в структуру современной поэзии (Зубова, 2010, с. 83–88), причем как профессиональный лингвист она считает, что сама возможность появления листовертней заложена в системе языка (устное сообщение). Совершенно не осмыслена с лингвистической точки зрения полифонсеманика А. Г. Горнона, основанная на множественности способов произнесения одной последовательности звуков или прочтения одной и той же последовательности букв (см., напр., (Горнон, 2014)).

Примечательным является и то, что при обсуждении природы языка в поле зрения попадают почти исключительно семантика и синтактика, а о прагматике речь заходит лишь эпизодически (что и понятно, если принимать деление на внутреннюю и внешнюю лингвистику), хотя уже около ста лет (90–130 в зависимости от того, что брать за точ-

ку отсчета) осознано, что прагматика — неотъемлемая сторона языка. При этом, конечно, наименее разработанной проблемой выступают механизмы реализации перформативности. Рассмотрение же таких механизмов позволяет иначе взглянуть и на использование языка в межвидовых взаимодействиях. Тем не менее, такие явления, хорошо известные любителям собак, как движение спящей собаки, воспроизводящей ее движения в ответ на команду (что позволяет предположить наличие у собаки соответствующих сновидений), в число перформативных эффектов какого-то случайного высказывания прохожего на улице вообще не попадает.

С точки зрения автора настоящих строк, учет указанных и прочих подобных явлений служит основанием для того, чтобы утверждать, что проблемы предстоящего синтеза заключаются не только, а может быть, и не столько в том, чтобы принять, как настаивает А. В. Кравченко, ту или иную методологию или концепцию человека, сколько в том, чтобы учесть указанный фактический материал. При этом апелляцию к тому, что речь идет о редких, периферических явлениях, нельзя принять в качестве аргумента, что их можно не учитывать при разработке общей концепции («теории») языка. Для того чтобы прояснить этот тезис, придется обратиться к проблемам статистики и построения теории в других областях знания.

Начать можно с того, что лингвостатистические распределения — это негауссовы H -распределения, в силу чего, с одной стороны, ни одна выборка текстов не представляется характеристической для языка, а с другой — самыми важными для построения текста становятся уникальные компоненты (Арапов, Ефимова, Шрейдер, 1975; Кудрин, 2002; Маслов, Маслова, 2006), что исключает возможность игнорирования кажущихся редкими явлений. Более того, всегда найдется совокупность речевых произведений, в которых кажущееся редким (например, палиндромы или назывные предложения в спонтанной разговорной речи) окажется частым (например, на конкурсе палиндромистов или в собрании таксономических описаний) и наоборот (например, комментарии на палиндромы в собрании палиндромов (Антология..., 2000) или глаголы в традиционных таксономических описаниях).

Понятно, что такое положение дел создает серьезные методические затруднения при изучении конкретного материала. Это можно проиллюстрировать на примере из ботаники, которая уже в 1930-е годы отличалась большей методологической строгостью и изощренностью, позволяющей находить простейшие технические решения. Речь идет об исследовании Н. П. Кренке изменчивости формы пластинки листьев вязов и хлопка (Кренке, 1933—35). Оказалось, что растения одного вида обладают всеми вариантами формы листа, присущими всем растениям (а также колониальным животным), однако некоторые из этих форм встречаются по одному (!) экземпляру на 2—3 миллиона. Суть этого феномена была выявлена С. В. Мейеном в связи с концепцией рефрена (повторяющегося полиморфического множества) (Мейен, 2007; Meuyen, 1973), количественные характеристики которого соотносятся с негаус-

совыми *N*-распределениями (Мейен, Налимов, 1979; Налимов, Мейен, 2007). При этом именно такие сверхредкие варианты позволяют осуществлять исключительно важные для биологической типологии отождествления. Так, документально зафиксировано не более 40 случаев наличия хвоста у человека (Alashari, Torakawa, 1995), что тем не менее важно для понимания его анатомии и установления гомологий его органов с органами приматов и других млекопитающих.

Выхода из обнаруживавшегося положения пока имеется два — отказ от изучения генеральных совокупностей по репрезентативным выборкам (из-за их отсутствия (Шрейдер, Шаров, 1982)) с вынужденным переходом к изучению генеральных совокупностей целиком (что фантастически увеличивает трудоемкость осмысленных исследований — ср. работу Н.П. Кренке) или ставка на результаты, основанные на экспертных оценках, являющихся плодом личностного знания (Полани, 1985).

Второй выход для отечественной лингвистики был осуществлен еще Л.В. Щербой в концепции лингвистического эксперимента (Щерба, 1974), наименование которого, однако, с методологической точки зрения представляет собой недоразумение, так как речь идет именно об опыте в трактовке Галилея. По сути же это именно использование экспертных оценок в ситуации, когда становится ясно, что использование какого-либо метода невозможно. Таким образом, с методологической точки зрения это возвращение к докартезианской практике обращения со знанием с опорой вместо субъекта на личность исследователя, что означает радикальный пересмотр научной методологии. Совершенно корректно описывают такую ситуацию американские когнитивные лингвисты (Дж. Лакофф, У. Лабов), используя для этого адекватную (хотя редкую и весьма специфичную, известную до этого только по текстам Галилея) терминологию, связанную с противопоставлением экспериментального и экспериенциального. При этом сами авторы подчеркивают, что их подход является преодолением аристотелевской логики. Однако современные трактовки Аристотеля дают основание соотносить эту логику не столько с самим Аристотелем, сколько с его позднесхоластическим прочтением.

Учитывая сказанное, можно вернуться к задаче синтетического представления человека как того, кто вовлечен в речевую деятельность. Это важно в связи с поставленной А.В. Кравченко задачей порождения «по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида *Homo sapiens*» (с. 8).

Начать стоит с рассмотрения вопроса о соотношении человека и *Homo sapiens*. У Г.П. Щедровицкого была рукопись, которой в итоге в архиве не оказалось, имеющая название «О функционировании человека в структуре вида *Homo sapiens*». Такое название отнюдь не случайно, поскольку человек — предмет изучения в антропологии, в то время как гоминидология — раздел зоологии.

Далее можно различить морфофункциональную и когнитивно-психическую организацию человека. Формирование первой из них

можно назвать гоминизацией, а второй — оразумливанием, сапиентизацией. Первый процесс охватывает становление организмов с билатеральной симметрией, прорыв вторичного рта, формирование строения хордовых, тетраподизацию и выход на сушу, развитие живорождения и млечного питания и т.д. Одним из центральных направлений изменений является процесс, обозначенный П. Тейяром де Шарденом, как цефализация (Тейяр де Шарден, 1987). Можно проследить, как этапы этого процесса очерчивают путь от одноклеточных до высших обезьян.

Второй процесс значительно более сложный и принципиально фрагментарный. Так, у кубомедуз имеется не только сложная система ганглиев, но и важное для ловли добычи зрение, обеспечиваемое сложным диоптрическим аппаратом и присутствием нескольких светочувствительных пигментов, использование которых предполагает наличие сложных форм сенсорной психики, которая делает возможной и целенаправленную передачу сперматофоров. Сложные формы когнитивной активности свойственны по крайней мере двум группам первичноротых — головоногим моллюскам и общественным насекомым. Среди позвоночных в этом отношении выделяются птицы (врановые своим интеллектом, многие, прежде всего попугаи, способностью быть перемешниками) и млечопитающие (дельфины, псовые, высшие обезьяны). Никакой линейной последовательности и учитываемых филогенетических связей в этом ряду нет.

Тем не менее оба этих ряда пересекаются в человеке. При этом в ряду животных, которые маркируют важные этапы сапиентизации, нет морфофункциональных структур, обеспечивающих речь человека (строение гортани, голосовых связок, мозга), причем это относится и к высшим обезьянам. Таким образом, язык и речь человека возникают на пересечении двух разнокачественных процессов. Охватив человека, процесс сапиентизации начинает распространяться на домашних, домашних и синантропных животных, которые пользуются достижениями человека и осваивают некоторые из них и с которыми может устанавливаться коммуникация посредством человеческого языка — иногда спонтанная, иногда целенаправленная (в случае дрессуры). Таким образом, человеческий язык используется не только представителями вида *Homo sapiens*.

С другой стороны, бывают ситуации, когда эти два ряда не пересекаются или пересекаются не полностью. Речь идет о психосоматических аномалиях, прежде всего тяжелых, например о слепоглухонемых. Опыт сурдотифлопедагогики показывает, что попытки реабилитации таких пациентов, начиная с приобщения к языку, безрезультатны — сначала у них надо сформировать схему тела и локомоцию, а потом можно развивать языковые компетенции. В этих случаях имеет место ситуация, когда сапиентизация реализуется при дефицитарной гоминизации. Для понимания природы языка и связи его с сознанием жизненные практики таких пациентов не менее важны, чем опыт переживших клиническую смерть.

Еще один поворот проблемы — соотношение биологии *Homo sapiens*, биологии человека, и биологии человека духовного. Человек в отличие от биологического вида *Homo sapiens* характеризуется ношением одежды, строительством жилья, использованием мебели и огня и т. д. (все эти признаки не входят в число таксономических, указывающих на зоологический вид *Homo sapiens*). Поэтому у человека имеются отличия в строении скелета, функционировании системы пищеварения, кровообращения, терморегуляции, потоотделения и т. д. Однако *Homo sapiens* в отличие от человека в эмпирическом мире не представлен, и его характеристики выступают предметом умозрения (Чебанов, 1996). Тем не менее можно утверждать, что результатом очеловечивания *Homo sapiens* является, например, все более увеличивающаяся продолжительность пострепродуктивного периода жизни человека и рост интенсивности его деятельности в этот период. Контрастно отличается и экологический статус человека с его нарастающей ролью вида-эдификатора (начиная с овладения огнем) на фоне характерного амплуа пациента *Homo sapiens* (Чебанов, 2013), причем у человека, вовлеченного в духовную жизнь, появляются дополнительные особенности биологии, в частности экологии (Чебанов, 2010).

Таким образом, соотношение *Homo sapiens*, человека и субъекта владением языком весьма нетривиально. Очевидно, что в настоящее время имеются наиболее полные данные для того, чтобы обсуждать вопрос об отношении человека и субъекта владением языком. Но для того чтобы его обсуждать, нужно синтетическое представление человека.

Это представление должны быть именно синтетическим, а не просто декларацией того, что человек — это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой. На пути такого синтеза к представлению о говорящем, слушающем, пишущем и читающем человеке как живой иконе Бога может быть остановка в виде лингвистически образованного человека, сохраняющего целостность непосредственного восприятия.

Такие люди могут создать актерский образ (в театре или кино) человека как языковой личности (Богин, 1984). Множество таких образов в своих выступлениях-моноспектаклях воплотил И. Л. Андроников ((Андроников, 1980 — 81); надо учитывать, что в полной мере обсуждаемый синтетический образ языковых личностей представлен Андрониковым именно в его устных выступлениях с их пластикой, взглядами, интонациями). Другой пример — это образ языковой личности ребенка (причем развернутый во времени) матери-лингвиста (Рыко, 2018).

Таким образом, мы с благодарностью принимаем приглашение автора к дискуссии, но у нас есть основания не согласиться с ним в том, что лингвистика находится в состоянии кризиса, из которого можно выйти, опираясь на смену методологии, а зафиксировать, что постижение языка находится в состоянии застоя, стагнации, преодолеть которое можно, охватывая все (в том числе и кажущиеся редкими и экзотическими) виды речевой деятельности и радикально пересматривая основные принципы методологии не только Нового времени, но и всей

аристотелевской (и шире – сократовской) традиции. Однако заслуга автора обсуждаемой статьи состоит в том, что он призывает к обсуждению вопросов, которые обычно предпочитают оставлять в тени.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе», выполняемый в ИНИОН РАН.

Список литературы

- Андроников И.Л. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1980—1981.
- Антология русского палиндрома XX века / сост. В. Рыбинский ; под ред. Д. Минского. М., 2000.
- Арапов М.В., Ефимова Е.Н., Шрейдер Ю.А. О смысле ранговых распределений // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. №1. С. 9—20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А.М. Молдован ; отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101—110.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Гапон А.Г. «Типичный» человек с позиции зоологической номенклатуры // Человек. 2012. №4. С. 100—114.
- Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. №3-2. С. 315—332.
- Горнон А. 25-й кадр, или Стихи не о том (полифоносемантика). СПб., 2014.
- Григорий Палама. 150 глав / пер. с греч. и примеч. А.И. Сидорова. Краснодар, 2006.
- Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / под ред. Станислава и Кристины Гроф. М., 2000.
- Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
- Зубова Л.В. Языки современной поэзии. М., 2010.
- Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М., 2001.
- Кочетков Георгий, свящ. Тайны и таинства человека и Церкви: Опыт современной мистагогии второй ступени : в 3 ч. Ч. 2: Новая христианская (православная) антропология: Об устройении и спасении человека и человечества. Основы христианской аскетике и мистики. М., 2020.
- Кренке Н.П. Феногенетическая изменчивость. М., 1933—1935. Т. 1.
- Кудрин Б.И. Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические H -распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Манделъброта // Философские основания технетики. Математический аппарат структурного описания ценозов и гиперболические H -ограничения / Ценологические исследования. Вып. 19. М., 2002. С. 357—412.
- Любищев А.А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М., 1971. С. 67—81.
- Маслов В.П., Маслова Т.В. О законе Ципфа и ранговых распределениях в лингвистике и семиотике // Матем. заметки. 2006. Т. 80, вып. 5. С. 718—732.
- Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. М., 2012.
- Мейен С.В. Морфология растений в номотетическом аспекте // In memoriam. С. В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 162—222.

Мейен С. В., Налимов В. В. Вероятностный мир и вероятностный язык // *Химия и жизнь*. 1979. № 6. С. 22 – 27.

Моуди Р. Жизнь после жизни: Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела. М., 2020.

Налимов В. В., Мейен С. В. Вероятностный мир – выход в другую культуру? (Возможно ли второе Средиземноморье в европейской культуре?) // *In memoriam*. С. В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 87 – 100.

Пик А., Хешиг А. Клиническая семиотика с обращением особого внимания на угрожающие симптомы и их лечение. СПб., 1910.

Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // *Концепт*. 2014. № 9 (сентябрь). URL: <http://e-kon-sept.ru/2014/14254.htm> (дата обращения: 13.12.2021).

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.

Романова Н. Занятия по коррекции дисграфии младших школьников. Б. м., 2019.

Рыко А. И. Детство Хомы: Дневник научных наблюдений. СПб., 2018.

Синеокова Т. Н. Лингвистика измененных состояний сознания : учеб. пособие. Н. Новгород, 2008.

Сопиков А. П. Междисциплинарность как тип комплексности // *Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований*. СПб., 2002. С. 78 – 79.

Сливак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М., 1987.

Фрумкина Р. М. Вечнозеленое дерево теории [памяти Ю. А. Шрейдера] // *Человек*. 1999. № 4. С. 145 – 158.

Чайковский Ю. В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М., 2008.

Чебанов С. В. Комплексность в биостратиграфии // *Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты)*. Ч. 1. М., 1986. С. 84 – 86.

Чебанов С. В. Спекулятивная биология человека // *Спекулятивная биология человека : тез. докл. Школы по теоретической биологии (Молодежное, 1–5 февраля 1993 г.)*. Vilnius, 1996. С. 4 – 5.

Чебанов С. В. Блюдо как культурно-нормативный способ потребления пищи: роль ритуала и экологические последствия // *Страницы: богословие, культура, образование*. 2010. № 14(3). С. 421 – 448.

Чебанов С. В. Экология человека или экология Homo sapiens? // *Наука. Философия. Религия : сб. матер. XV конф. «Наука. Философия. Религия»*. Проблемы экологии и кризис ценностей современной техногенной цивилизации (Дубна, 25 – 26 октября 2012 г.). М., 2013. С. 265 – 294.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка // *Acta et commentationes universitatis tartuensis*. Вып. 911. Tartu, 1990a. С. 112 – 136.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // *Acta et commentationes universitatis tartuensis*. Вып. 912. Tartu, 1990b. С. 92 – 111.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Синергетика и холистические образы языка // С. В. Чебанов Петербург. Россия. Социум : собр. соч. Vilnius, 2004. Т. 3. С. 650 – 656.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. О герменевтизации прикладной лингвистики // *Вестник Тверского ГУ. Сер.: Филология*. Вып. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 11(207). С. 273 – 291.

- Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М., 1982.
- Шрейдер Ю. А. Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой // Системность и эволюция. М., 1984. С. 69–82.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
- Alashari M., Torakawa J. True tail in a newborn // *Pediatr. Dermatol.* 1995. №12 (3). P. 263–266.
- Chebanov S. V. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology // *Biology Forum.* 1994. №87 (1). P. 39–48.
- Galilei G. *De Motu Antiquiora.* Berlin, no date. URL: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD> (дата обращения: 13.12.2021).
- Labov W. Denotational structure // *Papers from the Parasession on the Lexicon.* Chicago, 1978. P. 220–260.
- Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects // *Noun Classes and Categorization.* Amsterdam, 1986. P. 13–52.
- Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought.* N. Y., 1999.
- Meyen S. V. Plant morphology in its nomothetical aspects // *Botanical Review.* 1973. №39(3). P. 205–260.
- Moon C. Prenatal experience with the maternal voice // *Early vocal contact and preterm infant brain development / Filippa M., Kuhn P., Westrup B. (eds.). Cham, Switzerland, 2017. P. 25–37.*

Об авторе

Сергей Викторович Чебанов, доктор филологических наук, профессор, кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

Для цитирования:

Чебанов С. В. Кто тот, кто использует человеческий язык? (К статье А. В. Кравченко «Язык и природа человечности») // *Слово. ру: балтийский акцент.* 2022. Т. 13, №3. С. 25–44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHO IS THE ONE WHO USES THE HUMAN LANGUAGE?

To the discussion with on by Alexander Kravchenko's
the article "Language and nature of humanity"

S. V. Chebanov

St. Petersburg State University
31 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia

Submitted on June 01, 2022
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

The article is devoted to the polemic with Alexander Kravchenko regarding his thesis that the way out of the protracted crisis in linguistics is to use a systemic approach to linguistic semiosis as biological adaptation. The author argues that linguistics is not in a state of crisis

but rather in a state of stagnation. Overcoming it presupposes an intensive methodological search that infinitely expands the horizons of permissible views rather than the use of a system approach that is inadequate to the task. At the same time, it is necessary to take into account the marginal manifestations of language as fully as possible to obtain truly universal results, which is impossible without clarifying the nature of man as the user of language. Human nature is in a very complex relationship with human biology in its anthropological understanding and the biology of *Homo sapiens* as an object of zoology as one of its components. The doctrines of different epochs and schools of thought, from the Book of the Prophet Ezra through Thomas Aquinas, from Palamas to Austin, from Searle to Shchedrovitsky and Father Georgy Kochetkov, are examples of works claiming to solve this problem.

Keywords: language, human nature, human biology, holism, modes of reality, methodology of linguistics, synthesis

References

- Alashari, M. and Torakawa, J., 1995. True tail in a newborn. *Pediatr. Dermatol*, 12(3), pp. 263–266.
- Andronikov, I. L., 1980–1981. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh* [Collected works in 3 volumes]. Moscow (in Russ.).
- Arapov, M. V., Efimova, E. N. and Shreider, Yu. A., 1975. On the meaning of rank distributions. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information], 2(1), pp. 9–20 (in Russ.).
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya. and Sherstino-va, T. Yu., 2019. Russian everyday speech corpus “One day of speech”: Current state and perspectives. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 21, pp. 101–110 (in Russ.).
- Bogin, G. I., 1984. *Model' yazykovoï lichnosti v ee otnoshenii k raznoïdnostyam tekstov* [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts]. PhD thesis. Leningrad (in Russ.).
- Chaikovskii, Yu. V., 2008. *Aktivnyi svyaznyi mir. Opyt teorii evolyutsii zhizni* [Active connected world. Experience of the theory of evolution of life]. Moscow (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 1990a. The main types of ideas about the nature of language. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 911. Tartu, pp. 112–136 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 1990b. Ideas of hermeneutics in applied linguistics. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 912. Tartu, pp. 92–111 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 2004. Synergetics and holistic images of language. In: S. V. Chebanov, ed. *Peterburg. Rossiya. Sotsium* [Petersburg. Russia. Society]. Vilnius, pp. 650–656 (in Russ.).
- Chebanov, S. V. and Martynenko, G. Ya., 2007. On the hermeneuticization of applied linguistics. *Vestnik Toerskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Vestnik TvGU Series: Philology], 11 (207), pp. 273–291 (in Russ.).
- Chebanov, S. V., 1986. Complexity in biostratigraphy. In: *Sistemnyi podkhod v geologii (Teoreticheskie i prikladnye aspekty)* [System approach in geology (Theoretical and applied aspects)], part 1. Moscow, pp. 84–86 (in Russ.).
- Chebanov, S. V., 1994. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology. *Biology Forum*, 87(1), pp. 39–48.
- Chebanov, S. V., 1996. Speculative human biology. In: *Spekulyativnaya biologiya cheloveka: tez. dokl. Shkoly po teoreticheskoi biologii (Molodezhnoe, 1–5 fevralya 1993 g.)* [Speculative human biology. Abstracts of the School of Theoretical Biology]. Vilnius, pp. 4–5 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2010. Dish as a cultural and normative way of eating food: the role of ritual and environmental consequences. *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: theology, culture, education], 14 (3), pp. 421–448 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2013. Human ecology or ecology of Homo sapiens? In: *Nauka. Filosofiya. Religiya: sb. mater. XV konf. "Nauka. Filosofiya. Religiya". Problemy ekologii i krizis tsennosti sovremennoi tekhnogennoi tsivilizatsii (Dubna, 25–26 oktyabrya 2012 g.)* [Science. Philosophy. Religion. Collection of materials of the XV conference "Science. Philosophy. Religion". Problems of ecology and the crisis of values of modern technogenic civilization]. Moscow, pp. 265–294 (in Russ.).

Frumkina, R. M., 1999. The evergreen tree of theory [in memory of Yu. A. Schreider]. *Chelovek [A Man]*, 4, pp. 145–158 (in Russ.).

Galilei, G., n.d. *De Motu Antiquiora*. Available at: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD> [Accessed 13 December 2021].

Gapon, A. G., 2012. A typical human being in the perspective of zoological nomenclature. *Chelovek [A Man]*, 4, pp. 100–114 (in Russ.).

Glazkov, A. V., 2018. Mode of reality: definition, taxonomy, features. *Prepodavatel' XXI vek [The Teacher XXI century]*, 3–2, pp. 315–332 (in Russ.).

Gornon, A., 2014. *25-i kadr, ili Stikhi ne o tom (polifonosemantika)* [25th frame, or Poems not about that (polyphonosemantics)]. St. Petersburg (in Russ.).

Grigoriy Palama. *150 glav [150 chapters]*. 2006. Translated and notes by A. I. Sidorov. Krasnodar (in Russ.).

Grof, S. and Grof, K., eds., 2000. *Dukhovnyi krizis: Kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom* [Spiritual Crisis: When Personal Transformation Becomes a Crisis]. Moscow (in Russ.).

Kochetkov, Georgiy, Fr., 2020. *Tainy i tainstva cheloveka i Tserkvi: Opyt sovremennoi mistagogii vtoroi stupeni: v 3 ch. Ch. 2: Novaya khristianskaya (pravoslavnaya) antropologiya: Ob ustroenii i spasenii cheloveka i chelovechestva. Osnovy khristianskoi asketiki i mistiki* [Secrets and sacraments of man and the Church: Experience of modern mystagogue of the second stage: in 3 parts. Part 2: New Christian (Orthodox) anthropology: On the dispensation and salvation of man and mankind. Fundamentals of Christian asceticism and mysticism]. Moscow (in Russ.).

Kordonskii, S. G., 2001. *Tsikly deyatel'nosti i ideal'nye ob'ekty* [Cycles of activity and ideal objects]. Moscow (in Russ.).

Krenke, N. P., 1933–1935. *Fenogeneticheskaya izmenchivost'* [Phenogenetic variability]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Kudrin, B. I., 2002. Mathematics of cenoses: specific, rank-specific, rank-by-parameter hyperbolic H-distributions and the laws of Lotka, Zipf, Pareto, Mandelbrot. *Filosofskie osnovaniya tekhnologii. Matematicheskii apparat strukturnogo opisaniya tsenozov i giperbolicheskie N-ogranicheniya. Tsenologicheskie issledovaniya* [Philosophical Foundations of Technology. Mathematical apparatus of the structural description of cenoses and hyperbolic H-limits. Tsenological research], 19, pp. 357–412 (in Russ.).

Labov, W., 1978. *Denotational structure. Papers from the Parasession on the Lexicon*. Chicago, pp. 220–260.

Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York.

Lakoff, G., 1986. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects. In: *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam, pp. 13–52.

Lyubishchev, A. A., 1971. On the Criteria of Reality in Taxonomy. In: *Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistik i avtomaticheskogo perevoda* [Informational Issues of Semiotics, Linguistics and Automatic Translation], 1, pp. 67–81 (in Russ.).

Makh, E., 2012. *Mekhanika. Istoriko-kriticheskiy ocherk ee razvitiya* [Mechanics. Historical-critical sketch of its development]. Moscow (in Russ.).

Maslov, V.P. and Maslova, T.V., 2006. On Zipf's law and rank distributions in linguistics and semiotics. *Mathematical Notes*, 80 (5), pp. 718–732 (in Russ.).

Meyen, S.V. and Nalimov, V.V., 1979. Probabilistic world and probabilistic language. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and life], 6, pp. 22–27 (in Russ.).

Meyen, S.V., 1973. Plant morphology in its nomothetical aspects. *Botanical Review*, 39 (3), pp. 205–260.

Meyen, S.V., 2007. Morphology of plants in the nomothetic aspect. In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 162–222 (in Russ.).

Moon, C., 2017. Prenatal experience with the maternal voice. In: M. Filippa, P. Kuhn and B. Westrup, eds. *Early vocal contact and preterm infant brain development*. Cham, Switzerland, pp. 25–37.

Moudi, R., 2020. *Zhizn' posle zhizni: Issledovanie fenomena prodolzheniya zhizni posle smerti tela* [Life after life: The investigation of a phenomenon survival of bodily death]. Moscow (in Russ.).

Nalimov, B.V. and Meyen, S.V., 2007. Probabilistic world – an exit to another culture? (Is a second Mediterranean possible in European culture?). In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 87–100 (in Russ.).

Pik, A. and Khesht, A., 1910. *Klinicheskaya semiotika s obrashcheniem osobogo vnimaniya na ugrozhayushchie simptomy i ikh lechenie* [Clinical semiotics with a focus on threatening symptoms and their treatment]. St. Petersburg (in Russ.).

Podgornaya, E.A. and Demidenko, K.A., 2014. Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication. *Koncept* [Concept], 9(September), pp. 136–140. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14254.htm> [Accessed 13 December 2021] (in Russ.).

Polani, M., 1985. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy]. Moscow (in Russ.).

Romanova, N., 2019. *Zanyatiya po korrektsii disgrafii mladshikh shkol'nikov* [Classes for the correction of dysgraphia of younger schoolchildren]. No Place (in Russ.).

Rybinskii, V., comp., Minskii, D., ed., 2000. *Antologiya russkogo palindroma XX veka* [Anthology of the Russian palindrome of the twentieth century]. Moscow (in Russ.).

Ryko, A.I., 2018. *Detstvo Khomy: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [Khoma's Childhood: A Diary of Scientific Observations]. St. Petersburg (in Russ.).

Shcherba, L.V., 1974. About the triple aspect of linguistic phenomena and about the experiment in linguistics. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, pp. 24–39 (in Russ.).

Shreider, Yu. A. and Sharov, A.A., 1982. *Sistemy i modeli* [Systems and models]. Moscow (in Russ.).

Shreider, Yu. A., 1984. Multi-level and system nature of the reality studied by science. *Sistemnost' i evolyutsiya* [System and evolution]. Moscow, pp. 69–82 (in Russ.).

Sineokova, T.N., 2008. *Lingvistika izmenennykh sostoyanii soznaniya: ucheb. posobie* [Linguistics of Altered States of Consciousness: Textbook]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Sopikov, A.P., 2002. Interdisciplinarity as a type of complexity. In: *Problemy i perspektivy mezhdisciplinarnykh fundamental'nykh issledovaniy* [Problems and prospects of interdisciplinary fundamental research]. St. Petersburg, pp. 78–79 (in Russ.).

Spivak, D.L., 2000. *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* [Altered States of Consciousness: Psychology and Linguistics]. St. Petersburg (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1975. *Osnovy obshchego yazykoznaniya* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow (in Russ.).

Teilhard de Chardin, P., 1987. *Fenomen cheloveka* [Le Phénomène humain]. Translated by N. A. Sadovsky. Moscow (in Russ.).

Zhuravlev, A. P., 1991. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moscow (in Russ.).

Zubova, L. V., 2010. *Yazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Sergey V. Chebanov, Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

To cite this article:

Chebanov, S. V., 2022, Who is the one who uses the human language? On Alexander Kravchenko's article «Language and the nature of humanity (Invitation to discussion)», *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 25–44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))